

Андрей Якубовский

Истории Габриэля Дежа

Андрей Якубовский

Истории Габриэля Дежа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20584295

ISBN 9785448308208

Аннотация

Огнедышащие ифриты, суровые эльфы и милые лесные феи существуют, а вот магии что-то не видно. Летают дирижабли, и работает пневмопочта, но это не стимпанк. Глобальная катастрофа уже была, но Апокалипсис так и не наступил. Правда ли, что египетские пирамиды, а заодно и весь род людской создали пришельцы-насекомые? – герой в этом сильно сомневается. Что же это такое? Это постфэнтези. Даже не знаю, как правильно написать – может, лучше через дефис? Нет пока такого термина. А вот эта книга уже есть.

Содержание

Бесплатные образцы	5
Прекрасный вид на горы	16
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Истории Габриэля Дежа

Андрей Якубовский

© Андрей Якубовский, 2016

ISBN 978-5-4483-0820-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бесплатные образцы

Почти на середине Обновленного моста меня остановили две маленькие лесные феи. Они были предупредительно вежливы и предстали предо мной в своем волшебном облике. Дриаделлы могут принимать разный вид: с людьми они обычно общаются именно так – на самом деле, ничего интересного, обычная человекообразная фея ростом в локоть, откройте любую детскую книжку с картинками – а вот в лесу, если повезет, вы можете увидеть дриаделлу в ее домашнем облике. Это обаятельнейшее существо, похожее то ли на белку, то ли на крота – только заметить ее среди листвы и ветвей очень трудно.

– Эн инкогно, – обратилась ко мне левая фея, чтобы я не мучился, вспоминая, где и когда мы встречались, – вы будете вечером возвращаться на левый берег?

– Буду, на дриаделла.

– У нас огромная просьба к вам, эн инкогно. Вы ведь знаете на Малой площади магазин «Венок Гигеи»?

– Знаю, на дриаделла.

– Не могли бы вы зайти туда – только на секундочку! – и взять для нас два маленьких тюбика зубной пасты? Вот таких маленьких – это пробники. Они лежат там на стойке справа от прилавка, и каждый может взять бесплатно, как рекламные образцы.

– Конечно, сделаю. А как и где мне найти вас на обратном пути?

– Мы будем здесь же, на мосту, эн инкогно. Если мы вас не встретим, положите, пожалуйста, их вон под ту скамейку, рядом с огромным львом, – фея показала на скульптуру, установленную на опоре за парапетом. Лев был литой, с хорошо прочеканенными кудрями гривы и чуть вытянут по пропорциям, из-за чего казалось, будто он выпрыгивает на мост прямо из реки.

– Только синюю не берите, она невкусная. Возьмите лучше желтую или розовую, – уточнила вторая дриаделла.

– Хорошо, я так и сделаю, будьте надежны.

– Большое спасибо, добрый эн! – они синхронно поклонились мне и тут же куда-то поспешили по своим делам.

Только бы не забыть об этой смешной просьбе, подумал я. Зайду, конечно, возьму им пару тюбиков, жалко, что ли? Я, правда, никогда не подозревал, что лесные феи чистят зубы, но если так – прекрасно, это их чрезвычайно положительно характеризует.

Конечно, я заглянул на обратном пути в «Венок Гигеи». Обычно я покупаю мыло там же, где и все остальное – в лавке на углу, мне вполне хватает обычного, – а здесь слух мой был немедленно поражен тонким анализом действия янтар-

ной кислоты, добавляемой в состав некоторых изысканных сортов. Приказчик с двумя почтенными доннами обсуждали преимущества эликсира, получаемого из драгоценного янтаря, перед действием сока репы, которая также этот редкий ингредиент содержит. У обоих вариантов оказалась такая прорва химических тонкостей, что диспутантам впору было читать спецкурс для магистров фармацевии.

– И все же растворение толченого янтаря имеет то преимущество, благородная донна, что ископаемые смолы были порождены в благословенное время, когда природа еще имела вполне первозданный вид, и характерны полным отсутствием каких-либо вредных и загрязняющих элементов...

– Вы правы, – степенно соглашалась донна, – однако же это именно растворение в посторонней жидкости. В то время как сок свежей репы – продукт более натуральный, поскольку здесь янтарная кислота еще не выделена из синкретичного комплекса веществ, порожденных природой одновременно и в том же самом месте.

– Благородная донна безусловно права, – не унимался приказчик, – однако репа производит свой сок скорее в целях пищевых, нежели как полуфабрикат для парфюмерного производства! И в процессе мыловарения нам все равно приходится разделять элементы, имеющие мыльную, я бы сказал шире – косметическую природу, от чисто пищевых. Янтарь же, благодаря длительной выдержке в подводных глинах, очищается от быстроразлагаемых...

Я прошел вдоль длинного прилавка, разглядывая товары и прикидывая, что бы такого купить ненужного – мне казалось, что просто взять для лесных фей два тюбика и уйти как-то невежливо. Ага, вот и бесплатные образцы лежат. Я протянул руку...

– А, вот еще один. Синий не берите, он с морской солью, им не понравилось.

Я замер, как будто меня поймали на краже.

– Берите-берите, это рекламные образцы, их каждый покупатель может взять бесплатно.

Я обернулся.

– И даже если вы не собирались ничего покупать, вы все равно можете взять парочку, – продолжил приятный пожилой мужчина в белом колете с вышитой белым же шелком лилией, символом телесной чистоты. Точно такой же цветок я видел на вывеске – очевидно, он был служащим магазина, и, скорее всего, старшим служащим.

– Желтый со спелой грушей, а красный – с малиной. Вы же им обещали? – второй мужчина, моложе, был одет как зажиточный горожанин. – Присядьте к нам на два слова, эн, будьте любезны. Вот, стул возьмите.

Сам он тоже сидел у прилавка на высоком стуле так, как будто это была стойка в кофейне.

– Позвольте представиться, эн: меня зовут Гийом, и я аналитик Городского совета. А за прилавком – эн Арно, управляющий этим достойным магазином.

– Аналитик? – я представился.

– Ну, не стражников же посылать к лесным феям, – заметил с улыбкой управляющий, – магистр Гийом сам способен разобраться, раз дело не уголовное...

– Да уже почти разобрались, только не во всем. Ведь вы, достопочтенный, вероятно, были остановлены на мосту двумя дриаделлами, обратившимися к вам с просьбой? Далеко не вы один, вот в чем дело. Да и не пользуются они зубной пастой, кстати.

– Но для чего... – нет, не о том я спрашиваю. – А как вообще оказались дриаделлы посредине Обновленного моста?

– Достоверно неизвестно, однако есть подозрения на этот счет. По весеннему половодью к нам сплавливали строевой лес с верховой, и один из плотов как раз у Обновленного моста застрял, его пришлось разбирать и перевязывать. Вот я думаю, не с ним ли феи к нам и попали...

– Постойте, но ведь тогда это явное нарушение сервитута! Рубщики обязаны были позаботиться о ненанесении вреда обитателям леса, не исключая волшебных существ!

– Конечно, нарушение, – подал голос эн Арно. – только в жизни и не такое еще случается. Подумаешь, две феи, не погибли же они. Да и рубка была зимняя.

– И что?

– Так ведь в горах-то снег лежал. Дриаделлы, поди, забились в дупло и спали, найди их, даже если знаешь, что они где-то тут, на участке.

– Ага, – я начал соображать. – Проснулись бедняжки уже посреди реки?

– Именно, – подтвердил мою догадку магистр аналитик. – На острове.

– На каком острове?

– Ну, там же несъемный кессон опоры, да еще с водорезами-контрфорсами и сзади с намытой отмелью – вполне себе остров. Маленький, неуютный, но зато абсолютно необитаемый.

– Но... посреди города? С пешеходами над головой?

– Так это наверху, и люди-то прохожие, вроде как на дороге в лесу. А внизу, на островке, никто не живет.

Я живо представил, как две маленькие феи с торжественным выражением вступают на каменную облицовку волнореза и произносят формулу принятия этой вновь открытой земли во владения Волшебного Народа, – ну, как в фильме про Колумба.

Где-то за прилавком внушительно бухнуло и дзынькнуло звонок.

– Эн Арно, – обратился магистр к управляющему, – я думаю, это моя пневмопочта. Будьте добры, распорядитесь принести. Я заказал чертежи в архиве на этот адрес.

– Подождите, а зачем же им зубная паста в таких количествах? Они решили раскрасить ей скучные камни?

– О, нет. Если бы так, мне бы тут и делать было нечего. С этим бы и эн управляющий сам справился, тем более что

именно он заметил посланцев наших дриаделл.

Эн Арно положил на стойку цилиндр пневмопочты и заметил:

– Да, я обратил внимание, что рекламные образцы стали брать намного чаще и всегда по две штуки. Причем синие как лежали, так и лежат.

– И тогда он обратился ко мне, – продолжил эн Гийом. – а я побеседовал сначала с посетителями, которые – ну вот как вы, эн, – пообещали феям выполнить их несложную просьбу, а потом и с самими дриаделлами.

– Вы их допрашивали?!

– Нет, ну зачем же! Я просто прогулялся по мосту и тоже согласился помочь этим милым созданиям. Только я-то уже знал, о чем они будут просить, поэтому успел ввернуть пару наводящих вопросов.

– И что?

– Не догадываетесь? Представьте: вас вынесло на необитаемый остров, практически безжизненный... С чего вы начнете?

– Лодку строить?

– Из чего, среди голого камня? Нет, они существа определенно более хозяйственные, чем вы, эн.

– Никаких сомнений, – поддержал магистра эн Арно. – Они решили начать с огорода. Жить-то как-нибудь надо.

– Вы все еще не догадались? – эн Гийом откровенно улыбался. – Да я, право и сам бы не поверил, но логика у них

просто отменная: выращивать нужно то, что лучше всего будет родить почва. А поскольку их остров – сплошной известняк, то есть в сущности, тот же мел...

Я только изумленно качал головой. Неужели дриаделлы решили выращивать зубную пасту?

– Но она же несъедобная...

– И что? – возразил управляющий. – Розы, например, тоже несъедобные, но на них есть спрос. Если товар покупают, урожай можно сбыть.

– И они просили прохожих принести им образцы! – просял я.

– Нет, не образцы, – магистр Гийом еще раз покачал головой, – они же не уйгурские караванщики, которые поголовно работают на Императорскую академию – между прочим, крупнейшая и лучшая в мире организация промышленного шпионажа. Нашему бы университету хоть малую часть их лабораторного оборудования, мы бы Сорбонну за пояс заткнули.

– Но рекламные пробники...

– Рассада. Может, они вначале искали семена, но потом они нашли рассаду. Это дело совершенно беспроектное – сажаешь маленькую тубу, вырастает большая.

– Подождите, может быть, у них ничего еще и не вырастет?

– У дриаделл?! Да они щепку от весла в землю воткнут – у них к осени галера созреет! С полным рангоутом, такела-

жем и хорошо еще, если без боцмана со свистком! – управляющий хохотал уже в полный голос.

– В самом деле, – поддержал его магистр аналитик. – Разве вам, эн, никогда не приходилось бывать в лесу, где живут маленькие феи? Способствовать росту, кущению и плодоношению – их родовое свойство. Одним своим присутствием дриаделлы в самый короткий срок превращают жалкую рощицу в прекрасную дубраву или же сосновый бор, какая им фантазия взбредет. А уж если они решили целенаправленно взяться за выращивание чего-либо...

– Вы серьезно? – я, конечно, знал о связи дриаделл с лесом, но не представлял это именно так. – Я полагал, что они любят густую и здоровую растительность...

– По-вашему, значит, ветер дует, потому что деревья ветками машут?

Я умолк окончательно.

– Продукт их, я, конечно, возьму, реализуем и деньги выплатим, – пообещал Арно.

Магистр кивнул:

– Естественно, обижать маленьких фей никто не собирается. Только вот какой кусок моста съест их урожай? И надолго ли его хватит при использовании в качестве огорода?

Он обернулся ко мне:

– Где у них плантация, как вы полагаете, эн?

– Они назначили мне встречу у льва.

Магистр открыл стакан пневмопочты, развернул чертеж

Обновленного моста и стал разглядывать опору, на которой была укреплена скульптура.

– Понятно, что у льва. Из льва они возьмут алюминий для туб... ну, это не критично, лев конструктивной нагрузки не несет... мы его потом реставрируем. Но вот здесь проходят еще две трубы – с питьевой водой и пневмопочта. Это гораздо хуже.

– А сам мост вам не жалко? – удивился я. – Две тысячи лет стоял, отреставрирован за счет города в прошлом году, мы-то думали, он еще столько же простоит!

– Ну, – магистр пытался прикинуть что-то в уме. – Мост сухой кладки, известняк достаточно плотный, тяжелый, сколько массы он может потерять за один урожай? Если перевести это в объем...

– Один сезон мост не погубит, – сказал торговец. – Правда, какова у них будет урожайность? Боюсь, что слишком хорошая.

– Вы еще учтите, что половина веса тюбика – это вода, – сказал я. – То есть все дело в совокупной массе урожая?

– И в ней, и в том, удастся ли нам уговорить дриаделл сменить место жительства.

– А прямо сейчас нельзя?

– Конечно, нет. Если они уже заложили грядки, они не двинутся с места до сбора урожая. Да и не так-то это просто – уговорить маленьких лесных фей.

– Тогда делимся. – Мне пришла в голову замечательная

идея. – Вы думайте, куда их сманить, а я сейчас дойду до лавки стройматериалов и куплю банку серебрянки и пачку мела. Подкормим почву – меньше уйдет с моста.

Магистр Гийом посмотрел на меня уважительно:

– Хорошая мысль!

– Хуже точно не будет, – сказал Арно и полез под прилавок. – Вот, возьмите.

Он отсчитал стопку монет.

– Они же мне придут товар сдавать? Деньги вернутся, не беспокойтесь.

За деньги я особо и не беспокоился. Вот моста мне было жаль, это правда. Успеют ли в ратуше придумать хорошее место для маленьких фей, да еще и уговорить их, пока урожай не созрел и не снят – вот вопрос. Потому что кто знает, сколько будут у них созревать алюминиевые тубы с зубной пастой?

22—29.01.2014

Прекрасный вид на горы

Однажды наступает момент, когда жизнь становится хуже горькой редьки и надо срочно что-то менять. В такие дни и недели мужчины разводятся, сбривают бороды, меняют работу, уезжают в другие города. А иногда их одолевает непреодолимое желание иметь собственный дом. Желание несомненно пустое и вздорное, потому что мужчины никогда не представляют себе, что именно они с этим домом будут делать. Разумеется, тут же находится дюжина вполне рациональных аргументов, наподобие «я наконец-то соберу в одно место библиотеку и закажу новые шкафы» или «мне нужна хорошая мастерская» – как будто нельзя обойтись шкафами без дома или просто освободить место для верстака где-нибудь в старом каретном сарае! Нет, на самом деле мужчина просто вспоминает те счастливые минуты детства, когда он строил дом из двух стульев и одеяла в гостиной или же из палок и картонной коробки в саду. Для чего нужен был тот, игрушечный, дом пятилетнему мальчишке? Залезть в него и там сидеть. Вот и сорок лет спустя истинные желания мужчины не идут дальше «залезть и там сидеть». Ну, еще предаваться туманным мечтам, восхитительным в пять лет и непростительным после сорока пяти. Это потому что мужчины не приспособлены создавать дома. Строить-то они их могут, но настоящим создателем дома может быть только

женщина. Та обязательно найдет полезное заполнение каждому кусочку огороженного пространства, в то время как у мужчины в лучшем случае получится французский парк – геометрически правильный, требующий огромных расходов на стрижку и полив, но пустынный и сердца не радующий. Мужчины с этим доводом, пожалуй, могут и согласиться, но в жизни каждого бывают такие моменты... Перечитайте начало абзаца.

Я сидел на правом берегу в кафе «Слон Ганнибала» и читал городскую газету – точнее, просматривал раздел объявлений о продаже недвижимости. Предложения были. Была вилла над морем с бассейном и садом, была вилла недалеко от города с обширными хозяйственными постройками, был даже настоящий замок – правда, перестроенный в барокко. Из предложений, которые я мог рассматривать всерьез – хотя бы с точки зрения цены – присутствовали деревенские дома. Типичный вариант выглядел так: семьдесят метров жилой площади, два этажа сухой кладки, крыша кое-где еще сохранилась, и все это добро на двух с половиной сотках земли. Конечно, такое строение вполне может оказаться безымянным памятником истории. Его могли построить и четыреста, и восемьсот лет назад, и две тысячи... гм, а до римлян тут какого типа дома были? Надо будет в музее проконсультироваться. Правда, желания покупать такую недвижимость ее историческая ценность не добавляла.

Я уже собирался отложить это безнадежное занятие

до следующего номера – всего-то неделю подождать, тем более – вдруг я за это время сказочно разбогатею? Но моя вторая чашка еще только шипела и плевалась где-то за стойкой, поэтому я еще раз скользнул взглядом по газетной полосе, и вдруг, в самом низу, среди объявлений о продаже земельных участков, мой взгляд выхватил фразу «прекрасный вид на горы». Продавали заброшенный виноградник на юго-западном склоне, частично заросший топодем и акацией, использующийся для выпаса коз. Почти два с половиной арпана земли. И сарай из бруса целых 16 квадратных метров. Дорога по краю (естественно, нижнему). И, самое главное, – прекрасный вид на горы.

И просто подозрительно дешево продавали. Такую уйму земли за такие деньги... и еще сарай. Приходилось мне жить и в меньшей площади, если честно. Я поднял глаза, чтобы опереться на что-нибудь взглядом.

Чашка кофе опустилась на стол. Гарсон посмотрел на меня внимательно – видимо, на лице было написано все и даже больше – и достал из нагрудного кармана чирутку. Я с благодарностью принял.

– Что вы думаете, Роже? – я показал на объявление. Надо же было мне с кем-нибудь немедленно посоветоваться!

Он прочитал.

– Дешево. Но далеко. И рядом ничего интересного. И неинтересного тоже. Виноградники, выпасы... Дыра и глушь.

– Карта есть?

Карта нашлась, но оказалась туристической, одни достопримечательности ближайших окрестностей. Мы расстелили ее на столе, и оказалось, что искомое место находится или на соседнем столике, или даже на стуле за ним. До ближайшего селения, бургады Ар-де-Фуа, больше трех километров. И вообще из города полдня добираться. Но про горы, судя по всему, податель объявления не лгал: горы действительно должно быть видно достаточно хорошо. Они лежали дальше к юго-западу и западу, начинаясь предгорьями в каких-нибудь сорока километрах по прямой.

Финансовые планы подобны дворцу, который сулил рыбаку из арабской сказки выпущенный на свободу ифрит: их можно возвести на пустынном берегу в одну минуту и через мгновение разрушить – за последующие сутки я повторил этот фокус четыре раза. Наконец, выбрав руины, которые показались мне наиболее живописными, я зашел в бюро, представлявшее интересы владельца. Да, участок продается; да, цена осталась прежней; нет, дешевле он в ближайшие восемь месяцев не будет, на это нужна прямая санкция владельца, а переговоры с ним могут затянуться и на гораздо больший срок. Конечно, посмотреть можно, но там действительно ничего нет, и смотреть, собственно, нечего. А что я

хотел за эту цену? Вот это я и получу, если приобрету участок, ни больше, но и не меньше. Документы готовы, сделку можно совершить незамедлительно. Имелся и план участка, на котором был изображен неправильный четырехугольник; сверху он граничил с ухоженным виноградником, снизу с дорогой. С юго-восточной стороны было продолжение склона с выпасом, с противоположного – купы деревьев и поворот дороги, отличное место для разбойничьей засады. Сарай оказался не у самой дороги, а на некотором возвышении, что меня порадовало. Рядом с сараем стояла фиолетовая нотариальная печать.

Запустив финансовый маховик и наказав ему крутиться не слишком быстро, я доехал до Ар-де-Фуа. Коммуна оказалась маленькой, пыльной и вполне предсказуемой. Представившись мэру и объявив о своем решении приобрести участок на подвластной ему территории, а также сразу оговорив, что жить я буду в основном по-прежнему в городе и уж тем более не собираюсь баллотироваться в советники, я пригласил его в кафе тут же на площади. Мы сели в тени двух старых платанов, нависших над столиками, взяли большой кувшин местного вина и чокнулись за дружбу и процветание. Авторитет главы исполнительной власти позволил мне не поить всех желающих бездельников, а приличным людям мы наливали по стаканчику за знакомство. В конце концов, должны же меня знать в лицо, раз уж я теперь местный землевладелец.

Разумеется, я хотел выведать что-нибудь о своем будущем участке. Надеялся ли я на древнюю и страшную легенду или хотя бы простой анализ экономической ситуации? В любом случае, ничего похожего мне не рассказали. Общее мнение склонялось к тому, что ничего интересного он не представлял. Неудачное какое-то место: очень уж давно стоит оно заброшенным. Кто-то его покупал, потом перепродавал; последние владельцы вообще ни разу в бургаде не появились. – Там старая Фурньера коз пасет, так что, теперь нельзя? – Да пусть пока пасет, кому они помешали. – Буду ли строиться на участке? – Пока осмотрю, прикину. В этом году вряд ли начну. – Виноградник буду восстанавливать или же деревьями засажу? – Пока не знаю, погляжу на месте. Не принимать же таких важных решений, пока я участка в глаза не видел. – Тоже верно. – Боюсь, что я показался будущим землякам таким же бестолковым, как и купленный мной участок. Ну, какая земля, такой и хозяин. Или наоборот? Да какая разница...

Кстати, прямо отсюда этого места видно не было. Если бы подняться повыше, то вон в той стороне, за деревьями, было бы видно поле, а за ним виноградник и сбоку у него верхушки деревьев торчат. Так вот там ниже он и есть. А заблудиться нельзя, тут все по дороге и по дороге. Потом поворот будет, так сразу за ним.

Ну и ладно. Распрощавшись с добрыми людьми и расплатившись за угощение, я пустился в обратный путь.

Наступила самая сладкая пора: подготовка к приключению. Это женщины могут между делом прошерстить дюжину лавочек и закупить гору вещей, не утруждая себя вопросом, куда именно это добро применить. Мужчина же скуп и прагматичен; чтобы купить что-то ненужное, ему сначала приходится выдумать глобальную цель, а лучше подвиг. Оптимальным вариантом, разумеется, является путешествие в Антарктиду пешком, потому что на этом длинном и трудном пути может пригодиться практически все что угодно. Увы, мои планы были гораздо скромнее – впрочем, финансы им соответствовали.

Я купил две новые керосиновые лампы, шесть стекол к ним и дюжину фитилей. Керогаз брать не стал, зато взял таганок, позволяющий вскипятить кружку воды на лампе со снятым стеклом. Кастрюлю, сковородку с длинной ручкой, кофейник с носиком и отдельно чайник. Два набора посуды – а вдруг романтическое свидание? Подушку, одеяло, простыни – опять же два комплекта, – а еще ведро, лопату и набор гвоздей, молоток, топорик среднего размера (совсем маленький у меня был – остался от эпохи путешествий), одноручную пилу со сменными полотнами. Анкерок под питьевую воду. Складное парусиновое кресло и маленькую чертежную доску – вместо рабочего стола. Поход-

ная кровать у меня тоже была, восьминоее букового дерева чудовище из офицерского комплекта британских колониальных войск времен трансваальской войны. Два матросских сундучка для хранения всего на свете; один из них, похоже, действительно когда-то ходил в дальние плавания, а второй был юн и девственно опрятен, поэтому я назначил его буфетом. Чай, кофе, соль, пряности и кое-какие консервы... Тут я начал себя тормозить, поскольку явно увлекся. В конце концов, я собирался отнюдь не на зимовку в Южную Патагонию: до бургады ходьбы минут сорок, а там есть и лавка, и деревенское кафе.

Вот! вопрос о транспорте меня тоже заботил. Признаться, благодаря упоминанию о пасущихся на участке козах в мою голову даже залетела шальная мысль купить осла. Однако мне удалось ее оттуда быстро выдворить, поскольку животноводство никоим образом не входило ни в список моих талантов, ни в планы на ближайшие 10—15 лет. Да и хорош я буду, въезжая в Ар-де-Фуа на осяти, ровно спаситель наш в Иерусалим – нет уж, таких ассоциаций нам не нужно ни под каким соусом. Поэтому я выбрал велосипед. Удалось найти недорого подержанную машину, в мастерской его привели в порядок, поменяв все, что было можно. Ну и деньги на этом у меня практически кончились.

Договориться о заброске вещей... нет, точно – предприятие все больше напоминало экспедицию старого доброго времени, когда жажда неизвестного сильнее любви и страха;

как поется в русском романсе, «ах, молодость, бијнаја молодость!». Конечно, заезжать надо было вместе с вещами. Но я тут же придумал логичную уловку: если уехать вперед одному, то можно еще успеть дозаказать что-то из стройматериалов. Поэтому я упаковал груз, собрал необходимое на четыре дня и рано поутру сбежал из города на своем велосипеде.

Выехал я практически еще затемно, по холодку. Не торопясь крутил педали, чтобы поймать ритм и не выбиться из сил раньше времени. На Обновленном мосту остановился у скульптуры Водяного льва, глянул через парапет: вода шла низко, значит, дождей в горах вчера не было. Заодно подтянул ремень у сумки.

Правый берег пошел вверх; пришлось приналечь. Я свернул мимо Старой площади переулками, шины мои громко шуршали по булыжнику мостовой. Правда, я не удержался и проехал вдоль решетчатой ограды Сада францисканцев, где стоял такой утренний птичий гвалт, что никаких других звуков слышно не было. Потом еще раз свернул переулками и выехал на Северное шоссе. Тут я набрал крейсерскую скорость и катил себе, катил, сдвинув набок козырек кепки, чтобы восходящее солнце не так сильно мешало глазам.

Вокруг пошли поля, виноградники и островки садов между ними. Остался справа замок Арабаль на своем кру-

том холме, словно специально воткнутом посреди полей для фортификационных целей, блеснула вода у подножья... и только тут до меня постепенно начало доходить, что крутить педали придется еще очень долго. До обеда как минимум. Хорошо еще, что шоссе пустое – ноги работают, а голова свободна. Я принялся сочинять велосипедную песенку с тем расчетом, чтобы как будет что записать, сделать привал. И что вы думаете? К тому моменту, когда я сообразил, что это было легкомысленное решение, потому что ноги уже гудели, а песенка из веселой прогулочной польки стала превращаться в унылую шанти галерных каторжников, я все-таки успел проделать почти половину пути.

А потом дорога пошла чуть-чуть вниз, и двигаться сразу стало легче, а потом вдалеке замаячили сады Ар-де-Фуа, и тут уже стало совсем рукой подать. Я проехал мимо бургады по нижней дороге, чтобы удержаться от искушения позавтракать с мэром, и уже через четверть часа был на перекрестке возле участка. Ну, надо же было его хорошенько обследовать, прежде чем выдвигаться дальше! Я бросил велосипед под старыми тополями и прошел вглубь пыльных зарослей.

Нашел искомое я почти сразу. Да, честно говоря, и спрятаться-то ему было особо негде. Деревьев десятка полтора, ну, кусты какие-то полудохлые, а потом уже склон. Когда на карте ты видишь угол возвышенности, огибаемый дорогой, а от нее отвилку вниз, да еще кипу деревьев – где-то

тут должен быть источник. Окончательно демаскировали его старые каменные плиты, еле-еле торчащие над дерном. Один раз в жизни я совершил крупную ошибку, приняв за природные валуны остатки взорванных казематов укрепрайона, и с тех пор всматриваюсь в лежащие на земле камни очень внимательно. Одну плиту пытались вытащить на дорогу, но она застряла, тогда ее решили расколоть и увезти по частям, но раскололась она неудачно: мелочь погрузили и увезли, а две большие части бросили на месте. Еще одна встала почти вертикально, видимо, провалившись в какую-то яму, и ее пооббивали сверху. Трава между ними была выше и зеленее, а дальше по склону выросли хорошие кусты. Да, от источника почти ничего не осталось... Тут нужны топор и лопата. И еще пара дней работы, а баланс-то совсем никакой. Ну, как-нибудь доберусь, еще будет время. В любом случае иметь ухоженный родник в полусотне метров от дома полезно. Я вернулся на дорогу, оседлал своего двухколесного ослика – вот все-таки интересно, как звали то животное, на котором Иисус въезжал в Иерусалим? Должны же его были как-то звать! про Буцефала и Росинанта все помнят, а тут такое упущение, – и поехал домой. Да, собственно, вот он, рукой подать.

Когда-то у этого участка был хороший хозяин: он оборудовал замечательный въезд с дороги, выбрав не одну повозку грунта. Если ехать с юго-запада, то есть с противоположной стороны, то направо по склону отходила широ-

кая тропинка, метров через двадцать завершающаяся почти строго горизонтальной площадкой, на которой можно развернуть упряжку быков с телегой. Ясно, что сюда спускали по склону и грузили товар. Следов больших построек не видно, но сарай, действительно, был. Заглубленный одним боком в склон, всухую сложенный из местного камня – видимо, сюда отчасти пошло и то, что выбрали с площадки – с двускатной черепичной крышей. Внутри было сухо и достаточно чисто – то есть пыльно, конечно, но никакого особого мусора. Дверь в торце, два небольших оконных проема на дорогу. Без рам, ну да не страшно. Я вышел наружу и посмотрел на запад. Хм, и правда – вид на горы был очень даже хорош.

Отыскав в сумке складной нож, я прошел вверх по склону. Чахлые деревца и кусты, между которыми кое-где еще виднелись засохшие остовы виноградных лоз, давали очень скудную тень; никаких коз на выпасе мне не встретилось. Действительно, участок был классическим неудобьем, простиравшимся вдоль дороги по склону. Граница с верхним виноградником была обозначена парой камней, один из которых, похоже, был достаточно старым, может быть, даже ровесником плит у источника. На южной границе уровень земли снова пошел вниз; там начинался скудный придорожный луг – впрочем, по другую сторону дороги выпас был куда лучше: там в полукилometре петляла между кустов маленькая речушка. Вот и постоянный источник воды, если до нее

можно добраться через пастбище на велосипеде. На обратной дороге я нарезал зеленых веток и обломил несколько сухих побольше. Соорудив метлу, убрал паутину со стен и мусор с земляного пола. Вот и ладно. На пяточке у крыльца я сложил нехитрый очажок и расчистил место для сидения. Сел и стал глядеть на горы. Наглядевшись, разогрел банку бобов на малом огне, запил из фляжки и позорно продрых до вечера.

Проснулся уже в сумерках. Распаковался на ночь, подкинул еще хвороста в очаг, достал бутылку вина и стал смотреть на закат над горами. Солнце уходило за горы, но его лучи с той стороны вершин подсвечивали облака, и они бежали розовые, зеленые, сиреневые... Кузнечиков сменили цикады и звуков вокруг существенно прибавилось. Свистнула летучая мышь – здравствуй, соседка! Хорошо нам с тобой провожать день! Я пожертвовал несколько капель вина огню и попросил спокойствия, радости и удачи этому месту. Хуже от такой просьбы никому не будет.

И вдруг посреди этих веселых трелей мое ухо уловило глубокие ноты деревянного духового инструмента. Где-то слева и сверху невидимый музыкант неуверенно, с гулким подходом выдул «до», потом «ми», потом «соль» – и замолчал. И тишина стала еще более пустой, несмотря на все звенящие трели насекомых. Луна наконец-то доползла до гор и встала над ними.

Стало прохладно, и я придвинул бутылку ближе к нагрет-

тым камням очага. Подбросил в огонь еще пару веток и стал слушать дальше.

Через некоторое время звук появился вновь. Невидимый музыкант определенно играл мелодию... Ну, это было что-то вроде жиги, если перевести ее в минор и дуть медленно и печально, примерно на семь четвертых – впрочем, мое музыкальное образование не просто оставляет желать лучшего, а горько скорбит о начальном курсе сольфеджио. Боюсь, я не смогу описать музыку, которую услышал в ту ночь. Окликнуть исполнителя я не решился.

Следующий день был исполнен трудов и забот. Я облазил свой сарайчик с рулеткой, выверяя размеры необходимых деревянных деталей, съездил в бургаду к плотнику и в лавку, выяснил, что за водой не обязательно ехать через луговину – можно спуститься от бывшего источника по нижней дороге, там в полутора километрах мостик через ту же речушку, а на велосипеде это сущий пустяк; потом мне привезли вещи, я их выгружал, распаковывал и расставлял. Умаялся и уснул без задних ног на своей старой походной койке.

Наутро я изладил из привезенной чертежной доски стол и немного поработал – хозяйственные удовольствия бесконечны, а деньги все равно понадобятся. К полудню я сделал перерыв, наскоро перекусил и решил еще раз оглядеть уча-

сток. Если я собираюсь остаться тут еще хотя бы несколько дней – а я собирался жить гораздо дольше, – то следовало оборудовать отхожее место. Притом по возможности сразу так, чтобы не переносить, если я решу когда-нибудь перебраться из сарая в более капитальное сооружение. Поскольку справа был источник, то логично было искать место где-то слева. Однако за моим сараем склон поднимался, и прямо за стенкой устраивать нужник не хотелось – нехватало еще, чтобы его содержимое просачивалось ко мне обратно. Таким образом я снова оказался на юго-западном углу участка. Сегодня там действительно паслись козы.

Пожалуй, если где-то и ставить дом, то почти посередине, ближе к верхней границе. Тогда сарай и въезд окажутся справа внизу, а бугор посередине дает мне выступающую вперед террасу, расположенную чуть ниже первого этажа... о, как меня понесло! Сколько-сколько этажей будет у виллы? – я рассмеялся вслух. Впрочем, отчего не помечтать? Я подошел поверху поближе к дороге. Действительно, здесь определено была лучшая точка для того, чтобы сидеть и любоваться на закат. И, похоже, кто-то здесь сидел совсем недавно.

Почему же я его не видел? Потому что он меня тоже не видел – крыша сарая перекрывала мой очаг и пятачок у входа. Вот откуда долетали до меня ноты его мелодии! Кто бы это мог быть? Да еще на моей, черт возьми, земле?!

И что теперь делать? Я человек не суеверный, много чего повидал, но идти ночью в сортир мимо музыкального незна-

комца почему-то очень не хотелось.

Ну, придется познакомиться, вот и все. Дождемся ночи.

Я еще поработал, съездил за водой и набрал хвороста. Заодно благоустроил земляную скамейку у очажка, выбрав несколько лопат грунта со склона и приладив на это место две короткие широкие доски. Все лучше, чем прямо на земле сидеть. И долго смотреть на горы.

Я развел очаг, вынес стол и кресло, открыл первую бутылку и поставил два бокала. Солнце садилось, справа над горами показался Марс. Летучая мышь прошла так близко, что, кажется, дуновение воздуха от ее крыльев дошло до моей щеки. Наконец, я услышал первые ноты.

Минуты три я импровизировал приглашение. К гримурам я отношусь с большим недоверием – слишком часто меня и в прозе-то понимали превратно даже вполне грамотные и вменяемые люди – но сформулировать свою мысль учтиво и отчетливо никогда не помешает. Как обратиться к ночному соседу, ведь не назовешь его просто незнакомцем – «эн инкогно»? назвать музыкантом? чревато. В голову почему-то лезло слово «певец». Наконец, формула нашлась. Я встал и по возможности звучно произнес:

Кто б ни был ты, мой гость ночной,

Садись со мной и пей со мной.
Тут за беседой и вином
Мы славно время проведем.

Кажется, терпимо. Я сел на скамейку и, как пишут в романах, весь превратился в слух. Нет, получить чем-нибудь тяжелым по затылку вероятность была минимальная. Но если бы я умел раздваиваться, а еще лучше – учетверяться, мы бы уже заключили пари о том, кто именно ко мне выйдет. В качестве пятого варианта я предполагал фавна.

Звук шагов я услышал, они были широкие, хотя и очень легкие. Я начал разливать вино.

– Доброй ночи. Я пришел по твоему приглашению, – голос был мелодичный и почти без акцента.

– Добрый гость – к доброй ночи, – ответил я, оборачиваясь и указывая на кресло. Мужчина был высок и строен, на вид ненамного старше меня. Капюшона у плаща не было.

Он сел, и цепочка на правом бедре все-таки звякнула о ножны. Да-да, складные кресла коварны, и быстро вскочить из них трудно, почти как из гамака.

– Вино ждет нас, – я театральным жестом повел рукой над столом. – Не голоден ли ты?

Он помотал головой. Я представился и добавил, что недавно купил эту землю. Потом спросил:

– Можешь ли ты назвать свое имя?

– Меня зовут Ардиваль. Я... я незаконный мигрант, –

терпкая, хорошо настоявшаяся горечь прозвучала в этих словах.

– Сегодня ночью ты мой гость, я пригласил тебя к столу. Попробуй вино.

Мы подняли бокалы. Сквозь вино Марса видно не было. Блики от огня делали его еще темнее.

– Неплохое, – вежливо сказал Ардиваль.

– Местное. Говорят, до Виноградной Чумы оно было лучше.

– Местное? – на его тонком лице отразилось легкое недоумение. – Не сильно оно было лучше. Разве чуть слаще было когда-то... но это когда было!

– Vene te!

– И тебе всех благ, гостеприимный хозяин. – Да, дергать тигра за усы дальше не стоило. Разве что очень незаметно. Я подвинул гостю миску, где лежали сушеные фрукты. Разумеется, он взял дольку яблока.

– Не сердись, я просто гадал, кто ты. Теперь я думаю, что ты сид. И зовут тебя... Ардиваль – это здешнее произношение, а исходная форма...

– Эрдуил.

– Тогда, – я поднял бокал, – пусть эта встреча будет доброй для нас обоих, благородный Эрдуил.

Во всяком случае, она уже была по-своему чудесной. Встретить тут, в глуши южных виноградников, да еще посреди лета – Белтейн давно прошел, а до Самайна еще как

до Китая пешком – благородного воителя из высших эльфов было редкой удачей... или редкой опасностью, это как поглядеть. Никогда в жизни я еще не сидел вот так с бокалом вина напротив сида.

Я болтал о том и о сем, аккуратно обходя неприятные темы. Эрдуил постепенно оттаял и даже стал немного разговорчивее. Выходило, что он уже достаточно давно путешествует – вернее, скитается – почти по всем благоприятным для него местам. Там, где хоть когда-то ступала нога его народа. Я осторожничал и тщательно избегал прямых расспросов, хотя просто сгорал от любопытства. Наконец, когда мы стали подбираться к третьей бутылке, я осмелился:

– Что же заставило тебя пуститься в такое долгое путешествие?

Эрдуил зябко повел плечами.

– Война и поражение, эн. Когда некуда вернуться, путешествие получается длинным.

– Кто это был – римляне, германцы?

– Ни те, ни другие. Они всего лишь люди, и их победы часто не имеют никакого значения. Самых страшных битв человеческая история вообще не замечает.

– Но твой противник...

– О, их судьба еще печальней. От них вообще не осталось никакой памяти, и народ их исчез без остатка. Хотя это было гораздо позже, и мы тут ни при чем.

– Подожди... А люди... народа, с которым ты связан?

– Они остались, а я должен был уйти. Это я проиграл, а не они.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.